

Л.Н. Попова,

кандидат педагогических наук, доцент

Могилевского государственного университета, Белоруссия

ЧТЕНИЕ – ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

Образ души белоруса в повести

Якуба Коласа «Адшчапенец» («Отщепенец»)¹

Социологи утверждают, что за последние два столетия менталитет белорусов подвергся глубокой деформации и лишился смысловой цельности [См.: 1; 510]. Попробуем проверить данный постулат, обратившись к повести белорусского классика Якуба Коласа (1882–1956), написанной в 1930–31 годах, как документу очевидца и участника происходящего.

¹ В ряде понятных фрагментов сохранена белорусская речь для колорита интерпретации.

Сегодня ставятся вопросы: что значит «жить по канонам предков»? какие мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследовать от предков? каково «ментальное пространство» белоруса? где истоки перемен в духовной культуре белорусов? Спустя восемьдесят лет, благодаря зафиксированному Я. Коласом факту истории мы имеем возможность поразмышлять над жизнью, поискать ответы на вопросы времени. В художественном мире повести «вычитывается» глубинный уровень общественного и индивидуального сознания, распознаются неосознанные коды, позволяющие сблизить вчера и сегодня.

Душевно-духовная жизнь белорусов раскрывается в повести «Адшчапенец» через главные, второстепенные и эпизодические персонажи. Герои произведения разделяются на *категоріі*, каждая из которых характеризуется набором ценностей, а в совокупности являют собой разнообразную картину ментальности белорусов. Ментальность понимается нами не как национальный характер, область бессознательных эмоционально-чувственных импульсов и поведения человека, а как сфера рациональных мыслей, установок и взглядов человека [2; 101].

В художественном мире произведения сталкиваются сторонники *ліквідації дробных гаспадарак* и враги новой жизни; есть еще колеблющиеся, сомневающиеся, *кулацкія надзевалы* и *адступнікі*. В ходе развития сюжета очевидно, что большинство крестьян деревни Затонье поверили новой власти, что беднякам в колхозе жить будет лучше. Односельчане Н. Тур, Б. Базылец, Л. Гулак, Е. Ничипорук, рабочий-двадцатипятилетний М. Бриль и др. – готовы на сто процентов выполнить *баявую задачу*, коллективизацию, и верят в планы советского строительства.

В собирательном образе народа «читается» ментальность коллектива, толпы. Социальная группа – сельские труженики – не сразу принимает колхозную жизнь, но большинство (уже в 5 главе) достаточно легко *атынуліся на другі бок мяжы* [3; 110.], т.е. в колхозе.

Не следует думать, что, вступив в колхоз, основная масса безоговорочно изменила своим привычкам, некоторые жители деревни хитрят, приспосабливаются. Левон Маринич, например, зарезал *япука*, чтобы не отдать скотину в колхоз; Кондрат Казей к работе не ловкий, но на язык скор, *работнік з яго хоць і не важны, а адміністратар можа быць добры* [3; 100]. Тимох Бабура, человек батрацкого рода, с раздвоенным сознанием, зажиточный хозяин, *хітры чалавек і тонкі палітык* [3; 145], совершив ошибку, всеми силами старается завоевать доверие колхозников: дарит колхозу машину – *жынярку*. Коллективное сознание (включая бессознательное) отражает объективную и

противоречивую картину жизни колхозников в период принятия кардинальных шагов в своей жизни.

Оппозиционной парой враг/отступник являются Прокоп Дубяга и Игнат Чикилевич. Прокоп открыто не принимает обобществление. Чикилевич – скрытый враг-единоличник. Для обоих героев значимой ценностью является личная свобода и ранее сложившаяся в сознании форма хозяйствования. Каждый из них трудолюбив, руководим чувством любви к своей семье и желанием стабильности и благополучия жизни и, что особенно важно, нежеланием перемен. В ментальности обоих героев выявляются как индивидуальные черты (каждый из них по-своему являет душевный склад своих соотечественников), так и типичные особенности белорусов.

Игнат Чикилевич – кулак, *абаротішы, кемлівы чалавек, скрытны гаспадар, жыве на водшыбе, індывідуальна абложаты* [3; 98]; предусмотрительный, *раней за ўсіх адчуў подыхі небяспекі, ...мічэ з восені выкапоў ён патайны паграбок у сваёй клуні* [3; 153]; изворотливый, мстительный *увесь тросся ад злосці і думаў, як папомсціцца*. Его действия направлены на развал колхоза, *ціхае шкодніцтва кіравала яго мыслямі, учынкамі* [3; 153]. Предусмотрительный, он маскируется, входя всякий раз в новую роль, на людях старается показать себя *совецкім чалавекам* [3; 98].

Унижение и боль пришлось пережить собственнику-единоличнику, обладателю крепкого хозяйства, когда колхозники пришли в его дом, пригнали общественную скотину, захватили двор, постройки и половину дома *і сталі тут гаспадарыць, не папярэдзішы, не сказаўшы ім ні слова* [3; 190]. *Месца не знаходзіў сабе, молчал, а ў самага гарэла ўсё ад крыўды і злосці* [3; 189]. Но ум, умение владеть собой и принять обстоятельства как данность не изменяют Игнату. Поведенческие подробности сцены раскулачивания таковы: *меняўся у твары, кіўнуў галавой ў знак згоды, закалыхаўся сядзім, дзеравянным смехам*. А сознание его в это время напряженно работает: *ён думае, камбінуе розныя праекты* [3; 196], чтобы выжить.

Прокоп Дубяга, главный герой повести, – неграмотный крестьянин-середняк, *сталы, працавіты, руплівы гаспадар* [3; 152], человек твердых жизненных принципов, серьезный и вдумчивый. В его фамилию отчасти с иронией введена корневая морфема «дуб». Мучительно переживая коллективизацию, Прокоп *прости выказаў свой пратэст, абурэнне і крыўду, ушел в прочки* [3; 113], *сам сябе выгнаў з свае хаты, адшчаненец я, бадзяга* [3; 152]. *А адшчаненец* – «человек, отколовшийся от своей общественной среды». Уже сама усадьба Прокопа не в одном ряду со всеми, *вытыркае з раду другіх сядзіб*.

Характеризуя национальный менталитет белорусов, А.А. Мельников называет *трудолюбие, стремление к собственному клочку земли, бережное, любовное отношение к ней* как наиболее выразительные черты [1; 47]. Скорее всего, Прокоп был одержим такими чувствами, когда твердо решил *не скарыцца перад чужою воляю*. [3; 113] Другая, не менее важная сторона ментальности: белорусы *не склонны к радикальным изменениям в своей социальной жизни, им свойственно развитие эволюционное, без скачков* [3; 45]. Именно поэтому, не найдя поддержки ни у жены, ни у сына, имея собственные мысли о колхозе, свое разумение, Прокоп решается на самоизгнание.

Для Прокопа высочайшей ценностью является моральная свобода. Вместе с тем, эта свобода – условие проявления его моральности, это та точка отсчета, которая в конце повествования возвращает героя в родной дом, ставит перед необходимостью принять объективную действительность. Но до этого целых шесть недель Прокопу пришлось вести бродяжнический образ жизни, есть нищенский и батрацкий хлеб все потому, что *ен меркаваў замацавацца ў жыцці на сваіх старых поглядах і на старым грунце* [3; 115]. В поисках истины герой решается на хитрость: выдать себя за делегата, чтобы погрузиться в гущу колхозной жизни. В его *закаруэлам розуме* [3; 115] постоянно осуществлялась умственная работа, оценивание достоинств колхоза “Хваля рэвалюцыі”; он внимательно вглядывался в колхозную жизнь, а по ночам *пытанні балюча і востра ўставалі у Пракопавай галаве, ен думаў над тым, як знайсці праўдзівы адказ* [3; 132].

Сознание автора-творца, несомненно, наличествует в изображенном им мире, являясь сложной контаминацией мыслей и поступков героев повести. Это человек высоко образованный, патриот. В художественном пространстве автор выявляет себя в описаниях природы, через язык. Формой присутствия автора в повести является также ее заглавие. Отщепенец – это не только Прокоп Дубяга, но и сам Колас, взгляды которого в 30-е годы критика, официально ориентированная, воспринимала негативно, как проявление *«пазакласавага падыходу да грамадска-палітычных з’яў і да іх адлюстравання»* [4; 168].

Таким образом, в художественной реальности повести «Адшчапенец» отразилась ментальность белорусов советской эпохи (периода 1917 – 1931 гг.). Ментальность переходного периода представляет собой сложное образование. С одной стороны, любовь к земле, дому, труду; с другой, – конформизм, приспособленчество, инертность, нежелание к радикальным преобразованиям. Отсюда некоторая апатичность и непреклонность перед чужой волей, и одновременно склонность к анализу, желание проверить всякую теорию на собственном опыте. Долг и совесть, уступчивость, доброта,

дружелюбие, с одной стороны, с другой – стереотип белоруса «быть как все». А всякий человек, не следующий этому стереотипу – *адцаненец*.

Повесть не позволяет так легко говорить о деформации души, как это порой делают публицисты. Скорее, мы должны видеть стойкость глубинных славянских качеств под гнетом исторических обстоятельств, драматизм внутреннего мира – при цельности стержневых установок.

Літэратура

1. Мельников А.А. «Национальный менталитет белорусов» – Мн., 2005.
2. Беларусазнаўства: Навучальны дапаможнік/ Пад. Ред. П. Брыгадзіна. – Мн., 1997.
3. Колас Я. Збор твораў: у 7 Т. / Я.Колас. – Мн., 1952. – Т.6.
4. Мушыньскі М. «На шляхах волі» – вершаваны раман Якуба Коласа // «Полымя», №8. – 2007.